

18+

СМЕРТЬ ПОЛНА СЮРПРИЗОВ!

АЛЕКСАНДР КУРЕВИН

The book cover features a light pink background. In the lower half, there is a dark maroon silhouette of a house with a white roof. A large, light pink heart is positioned on the white roof area. The text '18+' is in a white rounded square in the top left. The title 'СМЕРТЬ ПОЛНА СЮРПРИЗОВ!' is in a black, hand-drawn font in the upper center. The author's name 'АЛЕКСАНДР КУРЕВИН' is in a white, sans-serif font at the bottom.

Александр Валентинович Куревин

Смерть полна сюрпризов!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66211846

ISBN 9785005524218

Аннотация

Проректор института Лозовой незаконно прибрал к рукам дорогую коллекцию марок покойного соседа Тимофея Сергеева. И погиб. За этой коллекцией идет охота. Однако помимо марок у соседа Тимофея пропали также отчеты о научной работе. Похоже, они еще более ценны, чем марки, поскольку представляют интерес для оборонной промышленности. Не только нашей...

Смерть полна сюрпризов!

Александр Валентинович Куревин

© Александр Валентинович Куревин, 2021

ISBN 978-5-0055-2421-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Изнанка имеется не только у штанов – у всего. Можно человека вывернуть наизнанку. Говорят, сотрудники спецслужб хорошо умеют это делать. Ну и, само собой разумеется, – женщины. Возможно, женщины даже лучше. Во всяком случае – чаще.

У института тоже есть изнанка. В то время как профессора с портфелями и студенты с пластмассовыми «мыльницами» входят в него через парадный подъезд и выходят, некоторые – вылетают, со двора копошимся мы, «хоззвонд». Кучкуемся возле своей «штаб-квартиры» – институтского гаража. Шофера, снабженцы, кладовщики, грузчики.

Грузчики – это мы с Вовочкой. Люди мы с ним совсем разные. Бок о бок оказались по воле случая. Вовочка, если можно так выразиться, парень с улицы. На внешность – рыжий

клоун, один в один Вождь Краснокожих из одноименного фильма по О. Генри. Свой чувак на танцплощадке в «Швейцарии» (Центральном парке культуры и отдыха имени Ленинского комсомола), ручкается со всеми бандитами своего района. Я же всю жизнь был послушным сыночком своих родителей. Мне покупали велосипеды и отмечали дни рождения. И ТММ (теорию механизмов и машин) я, если честно, вполне мог бы сдать и не брать академический отпуск. Но внезапно захотелось разнообразить свою жизнь. Доучиться я еще успею, решил. Что случится? На год позже в армию загребут, только и всего. Посмотрю, как выглядит мой вуз с изнанки. В отличие от натуральных доходяг, всех здоровых академиков запрягали поработать при институте – это было непременным условием. Иначе – на вылет!

Меня сразу оформили грузчиком. Вовочку придали «хоззвуду» позже, для усиления. Вообще-то он числился гардеробщиком. Зачем летом гардероб? Про коня в пальто летом я еще слышал (в гараже не такое услышишь), про студента – не приходилось.

В это утро все были налицо: шофера, кладовщики, мы с Вовочкой. А еще – веселая светловолосая Света. Она подрабатывала этим летом на строительстве нового корпуса, и теперь поставила на асфальт свои ведра с мусором на полпути до контейнеров, чтобы поболтать с нами глупости. Я хотел бы не говорить с ней глупости, а лучше заняться ими, но для этого следовало как-то отшить Вовочку, потому что

ему девушка строила глазки тоже. Определилась бы уже!

Разгул моей порочной фантазии был прерван проездом под аркой старого корпуса кортежа из двух автомобилей: черной «Волги» и защитного цвета «буханки».

– Генерал пожаловал, – определил Вовочка. Так он называл ректора. Света устремила свои глаза цвета морской волны на автомобиле.

– Вернулись с Лозовым с охоты, – согласился я со своим соперником.

Забуревшие академики, мы тут все уже про всех знали и секли на раз, что творится. Гаражные, кто мог, ретировались, остальные уменьшились в росте. Но, кажется ректору Сидорову и его корешу, проректору по АХЧ (административно-хозяйственной части) Лозовому, было не до подбострастия подчиненных. Они, как были в полевой форме, не ученые мужи – мужики, так и прошли в гараж. Матвейч – завгар и по совместительству водитель ректора – такой же рослый, что и первые лица вуза, уединившиеся нынче в гараже (будто по росту выбирали), потоптался некоторое время перед воротами. Его жест рукой, адресованный прочим водителям, я бы расшифровал так: «Проходите мимо, не до вас сейчас». Потом проследовал за начальством.

«Что-то не так. Что-то случилось», – закралось у меня подозрение. Ректор с проректором прошмыгнули в гараж, точно заговорщики.

Из «уазика» вышел Кирилюк, начальник снабжения.

С озабоченным видом глянув по сторонам, он вдруг пома-
нил меня рукой – я стоял к нему ближе всех. Подошел, он
достал из «уазика» сумку, в которой звякнуло, сказал:

– На-ка, отнеси туда, в гараж, им.

Сам он почему-то в гараж идти не захотел, а встал на ре-
шетчатых воротах под аркой старого корпуса. Я направился
с сумкой к гаражу, передать первым лицам вино и закуску
(не ходи к гадалке). Услышал, как Кирилюк крикнул за спи-
ной: «А где замок?» – кому-то из шоферов. Ему что-то от-
ветили, он окликнул меня:

– Эй, как тебя? Сергеев! Спроси у Матвеича замок, ароч-
ные ворота запереть! Хорошо?

«Зачем их поутру запирать?» – подумал я, но спрашивать
не стал.

В гараже я застал такую картину: Сидоров и Лозовой си-
дели за столом под тусклым светильником напротив друг
друга, едва не касаясь лбами. Курили. Завгар Матвеич при-
тулился на табурете в стороне за верстаком. Соблюдал суб-
ординацию. Вообще-то с «барями» он был очень близок,
но не панибратствовал, понятия имел.

– Так! Чего тебе? – спросил он меня, понизив голос, слов-
но боялся помешать разговору Сидорова с Лозовым.

– Мне ничего. Это вам, – ответил я, приподняв сумку.
В сумке опять звякнуло. Он поспешно подошел, протянул
руку:

– Давай, – словно каждая лишняя секунда моего пребы-

вания здесь была опасна и для него, и для меня. Ни Сидоров, ни Лозовой, кажется, не обратили никакого внимания, ни на мое появление, ни на суету Матвеича. Я услышал обрывок странного разговора:

– Думаешь, он заявит? – спрашивал Лозовой.

– Он – нет, – отвечал Сидоров. – Насчет себя не заявит. А вот ее может заставить написать заявление... Чего тебя так разобрало?..

Я укрепился во мнении, что-то там, в деревне, на охоте у них произошло.

Приняв одной рукой сумку, Матвеич другой взял меня за плечо и хотел буквально вытолкать за ворота, но я вспомнил про замок и сказал ему.

– А-а-а! – в отчаянии тихо взвыл завгар и порысачил в дальний угол гаража, где на полке, как им же самим было заведено, лежал замок от арочных ворот.

– Чего ты за нож схватился? – услышал я вопрос ректора Сидорова, обращенный проректору по АХЧ.

– Так у него глаза бешеные сделались! Очумел совсем! Здоровый кабан...

Почему-то я сразу понял, что речь идет не о диком лесном вепре. «Точно случилось», – еще раз подумалось. Матвеич, наконец, вручил мне замок и выпроводил за ворота.

Едва я вышел на воздух, как увидел: Кирилюк под аркой кого-то пытается задержать и увещевает:

– Да не ходи туда! Саня! Ну, остынь!

– Слушай, Максимыч, ты не мешай мне лучше, да?

Я узнал Сашку – неизменного «оруженосца» первых лиц на охоте, кудрявого здоровяка, веселого, славного, всегда улыбочивого деревенского парня. Его сестра тоже училась в нашем институте водного транспорта – на экономическом, кажется. Сашка часто навещал ее в городе. Заходил в гараж, как заправский друг Матвеича. Чуть-чуть, быть может, заискивал. Прочие шофера также были ему все друзья-товарищи. И мы, заядлые грузчики, были им обласканы. Пару раз мне довелось бывать в его деревне – мебель кое-какую списанную свозили в охотничий дом первых лиц. Саня водил меня на рыбалку, на Ветлугу. О, какая это была рыбалка! Клевали сомики. Время от времени проверяя донки, мы с ним всю ночь проговорили по душам у костра. Он рассказывал про сестру, про службу на границе, много про что. Я ему – свое. Старше он был лет на пять-семь меня, вероятно. Но нисколько не важничал. Да в деревне вообще все проще, понял я.

Сейчас Саня не улыбался. И, очевидно, был настроен решительно. Кирилюка он легко отодвинул в сторону и направился к гаражу. Отворив калитку, вошел внутрь.

– Слышишь, Боря! – кликнул Кирилюк одного из шоферов, что поздоровее, и другого: – Толик! Пойдемте-ка!

Мужики поняли, что-то назревает, и приосанились. Вслед за Кирилюком двинулись к гаражу.

– Какая-то у них непруха, – сделал вывод Вовочка. – До-

бычу не поделили, что ли?

– А правда, что это они все такие напряженные? – тревожно спросила Света.

– Ты что скажешь? – спросил Вовочка меня, как человека, побывавшего в гараже.

– Скажу, шерше ля фам! – ответил я.

– Почему «шерше ля фам»? – не понял Вовочка.

– Потому что се ля ви, – объяснил ему. К сожалению, это были единственные две фразы, которые я знал по-французски. Растолковать прилюдно, почему «ля фам», я мог бы так: Сидоров сказал, что некий «он» не заявит, а некая «она», дескать, может. Значит, женщина определенно присутствует в «непрухе», как выразился Вовочка. А Лозовой, похоже, вляпался. Правда, непонятно пока во что. Судя по всему, вынужден был схватиться за нож. Горские страсти какие-то просто!.. Мог бы так сказать, но не стал. Зачем демонстрировать собственные большие уши и длинный язык? В пионерском лагере было хорошо – барабанщиков и горнистов все знали в лицо. А кто в институте стучит, пойдя, догадайся! Скажут, что грею уши да развожу сплетни.

Сашка через некоторое время вышел из гаража. Следом за ним – шофера, Кирилюк и Матвейч. Матвейч, обойдя Кирилюка и шоферов, попытался взять «оруженосца» под руку, что-то тихонько втолковать, но тот отдернул руку и резко пошел к арке. Но на полпути остановился, обернулся и сказал резко:

– Не хочу с вами свару затевать, Матвейч. Вы не при делах. А Лозовому вашему я за сестру яйца отрежу! Можешь так ему и передать!..

Сашка вышел через арочные ворота, на которые Кирилюк прежде не успел повесить замок, зато повесил теперь. Будто не исключал, что Сашка может вернуться, чтобы и впрямь выполнить свою угрозу.

Кирилюк, Матвейч и шофера встали в кружок и некоторое время курили, обсуждая происшествие, очевидно. После Матвейч вернулся в гараж – может, «барям» что угодно? А Кирилюк обратил внимание на нас.

– Вы вот что, – сказал он, подойдя ближе. – Свободны на сегодня. И не болтайте о том, что видели-слышали. Все понятно?

Кирилюк утопал. Мы примолкли, не веря в свалившееся на нас счастье.

– Давайте пойдём на пляж, – предложила Света. Август нынче стоял! Жарче иного июля.

– Так это нас отпустили, а не тебя. – Я устремил красно-речивый взгляд в сторону строящегося нового корпуса.

– Я слиняю, – заверила Света. – Сейчас комнату вымету только.

– Клевая идея! – оценил Вождь Краснокожих. – Винишка прикупим.

Меня идея отправиться со Светой на пляж воодушевила,

конечно. Вот только бы без Вовочки как-нибудь...

– Я сестру позову еще, – сообщила Света деловито. – Она старше меня, но компанейская чухиха.

«Для Володи», – хотелось добавить мне, но вслух произнес:

– Прекрасно!

Договорились встретиться с девушками в полдень на пляже у Гребного канала, возле будки с мороженым. Мы с Вовочкой условились пораньше состыковаться у гастронома на Минина, чтобы закупить вина.

Взяли две бутылки сухого белого. Вовочка с видом знатока заверил, для пляжа самое то. Я, признаться, никогда прежде не пил вино на солнцепеке, поэтому не нашелся, что возразить. Может, он и прав, подумал. Мне было известно только, что теплую водку следует пить из мыльницы. Поручику Ржевскому нравилось, герою анекдотов.

Пока мы с Вовочкой спускались по Чкаловской лестнице, он изложил мне свой дальнейший план:

– После пляжа можно будет ко мне двинуть. У меня хата сегодня свободная, предки на дачу свалили.

– Давай сначала на сестру посмотрим. Вдруг она страшнее атомной войны? Как тогда Светку делить будем?

Вовочка счел мое замечание разумным.

Будок с мороженым на пляже оказалось две, одна от другой далековато. Возле ближайшей к нам Светы не оказалось. Вовочка всмотрелся и углядел:

– Вон она, там, возле той будки стоит. Не одна. Сестру, стало быть, уболтала.

Зрение у Вовочки, видать, было острее, чем у меня, хотя и я на свое не жаловался. Приблизившись на некоторое расстояние к девушкам, Вовочка вдруг стал меняться в лице. Понизив голос, хотя его итак никто, кроме меня, не мог слышать, он произнес:

– У меня глюки, или это?..

Я всмотрелся и офонарел! Рядом со Светой стояла Нифертити, как ее прозвали в институте. Нина Фертистова, новая секретарша проректора Лозового. Прежняя, Лили – Лидочка Малышева – тоже была хороша. С бедняжкой произошел несчастный случай: попала под машину. Говорили, ничего, все обошлось, цела осталась, но работу поменяла. Может, ее доставал любвеобильный Лозовой, и она убежала от него, когда попала под авто?.. Черный юмор. До Нифертити Лидочке все же было далеко. Эта сразу сделалась звездой института! Если бы Света привела на пляж самого Лозового, мы с Вовочкой, ей богу, удивились бы меньше. Просто челюсти отвисли! Нифертити была сногшибательно красива и ею, конечно, любовалась вся мужская половина вуза. Обычно в его стенах выглядела она, как строгая леди. Тут же, на пляже, рядом со Светой, стояла теперь в коротком легком платье, однако явно не дешевом, с распущенными волосами. Нереальность этой пары потрясала: Света и... Нифертити! Как? Откуда? Ах да, сестра...

– Знакомьтесь, это Нина... – Света прекрасно видела, что мы с Вовочкой готовы выпасть в осадок.

– Кто же не знает?.. – выдавил из себя Вождь Краснокожих.

– ...моя двоюродная сестра. А это Вова, – она указала на Вовочку, – и Тима, – на меня.

– Здравствуйте, девочки, – улыбнулся я Нифертити, дивясь собственной наглости. – А у нас тут река есть, – точно экскурсовод, сделал широкий жест в сторону Волги.

– Да мы уже осмотрелись, – улыбнулась мне в ответ Нина. (Мне! В ответ! В институтских коридорах она меня не заметила бы вообще, и ныне, и присно, и вовеки веков!) – Опоздываете.

– Всего-то на пять минут, – оправдался Вовочка. – В магазине очередь была... Вот! – Он раскрыл матерчатую сумку, демонстрируя «улов».

– Годится! – оценила Света. – Пойдемте поближе к воде? Девушки расстелили покрывало. Я стянул с себя футболку, кося глазом на Нифертити. Нина сняла через голову свое легкое платье, показав сначала зону бикини, затем грудь, лишь отчасти прикрытую купальником. Когда платье взметнулось над головой, ее глаза встретились с моими и сверкнули весельем. Я поскорее отвернулся, смутившись. Мне показалось, мы с Вовочкой выглядим рядом с ней, точно школьники подле учительницы.

– За стриптиз по рублю! – сказала «учительница».

– Я бы заплатил больше, – искренне признался ей. – Но, тогда на водку не останется.

– А вы собрались еще водку пить?

– С горя, если вы нас покинете.

– А если не покинем?

– Тогда, на радостях.

«Давай, давай, давай! – мысленно подстегивал сам себя. – Только не умолкни! Болтай любую чушь, но поддерживай разговор! Соответствуй!»

– Ну что, хлопнем по стаканчику? – Вовочка полез в свою чудесную сумку.

– Яблочки порежь! – скомандовала Света. – И бутылку сильно не свети, а то, блин, менты обзавидуются!

Я поймал себя на мысли, что Светка больше подходит Вовочке, нежели мне. Она такая, слегка грубоватая, хоть и симпатичная. Курит, может словцо крепкое ввернуть. Мне хотелось ее называть не девчонкой, а пацанкой. Классная, мол, ты пацанка, Светка! И рядом с ними очутился я, маменькин сынок Тимофей Сергеев, и... секретарша Лозового Нина Фертистова! Инопланетное, почти, существо. Да, забавная у нас подобралась компания. Нарочно не придумаешь – так казалось в этот момент. Однако разливающееся по жилам вино быстро нивелировало ситуацию. «Да ладно, я такая же обычная девчонка», – казалось, всем своим видом пыталась показать «царица египетская», поднимая пластмассовый стаканчик, чтобы чокнуться со мной. Еще вчера помеч-

тать о ней мне и в голову прийти не могло. Надо же быть реалистом! А теперь внезапно открывшаяся возможность приударить за самой Нифертити сводила с ума!

– Так с чего это вас сегодня распустили? – спросила Нина, обращаясь то ли к Свете, то ли к нам. – Я толком не поняла. Что там у вас за темная история?

– Это не у нас, это скорее у вас, – тут же ляпнул мой язык, не успев посоветоваться с головой. – В смысле, у вашего шефа.

– Я поняла, что у шефа. Светик говорит, начальнички из деревни какие-то припухшие прикатили? А что именностряслось? У меня еще два отгула, как бы на службу не вызвали!

Особый статус новой знакомой волновал не меньше, чем ее красота.

– Там какая-то тайна, – принялась объяснять ее сестра. – Кирилюк велел держать язык за зубами, у-у-у! – Света сделала страшные глаза. – А мы и не можем ничего рассказать, даже если бы и хотели, поскольку ничего не знаем. Кроме того, что паренек деревенский, ну этот, «оруженосец» их, Сашка, примчался вслед за ними белый весь, кинулся в гараж, из гаража вышел уже весь красный и пообещал вернуться. Не шуточно эдак пообещал!

– Ты расскажи нам, что слышал. Был ведь в гараже, – перевел на меня стрелку Вовочка. Удачный выбрал момент, молодец.

– А как же держать язык за зубами? – стал все же набивать цену я.

– Так тут же все свои! Или ты считаешь, Нина не своя?! – Вовочка сделал сильный ход. Нина была своей, пожалуй, побольше нашего. Насколько она могла быть своей Лозовому, мне даже думать сейчас не хотелось. Об этом весь институт предположения строил.

Вообще-то, кабинет Лозового имел общий «предбанник» с кабинетом Пустыркина, проректора по науке. И секретарша тоже у них была одна на двоих. Но Пустыркин был ничем не примечателен. Просто ученый, с головой занятый своей наукой. А за Лозовым по институту ходила слава Казановы.

– Я буду считать, что Нина своя только после того, как мы с ней на брудершафт выпьем! – категорически заявил я.

– О-о-о! – поразилась Нина. Думал, сейчас спросит, не слишком ли я размечтался? Но ничуть не бывало! Она подняла свой пластмассовый стаканчик, протянула Вовочке, чтобы наполнил. Уже через секунду я, прекрасно осознавая, что выпендриваюсь гораздо больше собственного веса, целовал ее в губы, причем гораздо дольше, чем того требовал «брудершафт», на глазах у изумленной Светочки.

– Ай-ай! – воскликнула Светочка. – Даже завидно стало!

Вовочка тут же попытался поцеловать ее, но она увернулась и погрозила ему пальцем.

– Какой пылкий молодой человек! – воскликнула Нина с удивлением и иронией. Однако глаза ее говорили, что ей

понравилось! Смелость города берет!

– Так, насчет Лозового, – напустил я серьезность. – Судя по всему, главный хозяйственник пытался покуситься на Сашкину сестру. С Оруженосцем на этой почве у него произошла нешуточная стычка в деревне, в итоге пришлось срочно ретироваться, а разгневанный брат бросился в погоню. Вот, собственно, и все.

Показать, что я вполне владею принципом «краткость – сестра таланта» не удалось. Нина не оценила и принялась въедливо допытываться, почему я считаю, что дело было именно так, а не как-то иначе? Пришлось ей передать во всех подробностях и разговор, услышанный мной в гараже, и утреннюю пантомиму, свидетелем которой были также и Света с Вовочкой.

– Значит, Сашка не успокоился, – подвела итог моему рассказу Нифертити.

– Да нет, что это? – не согласился с ее выводом я. – Его угрозу Лозовому я бы интерпретировал так, что она будет выполнена в том случае, если только повторится что-то подобное.

– Не знаю, не знаю... – задумчиво проговорила Нина. К сожалению, я так и не понял ее личного отношения к своему шефу. Отметил, что со Светой она обращается уважительно, будто чем-то обязана ей. Я вообще давно знал за собой умение подмечать всякие мелочи и делать на их основании интересные выводы. Не знаю, откуда это у меня, но есть.

У Вовочки, к которому мы проследовали через магазин, у всех будто открылось второе дыхание. Девушки накрыли на стол. Нина подобрала волосы, прежде распущенные, собрала их в пучок и теперь стала один в один похожа на себя самое в роли секретарши проректора Лозового. Я вновь затрепетал – с кем гуляю! Не чудо ли, не сказка?!

Затем подумал, что радоваться мне не чему. Расклад-то таков, что я, возможно, остался без девушки. У Вовочки со Светой похоже все сладится, – видел. Он явно ее клеил, оставив Нину мне. Однако я же не идиот, чтобы не понимать, что с секретаршей проректора по АХЧ закрутить – это все равно, что в космос слетать! Кто она, и кто я? Ничем не выдающийся студент, да еще «академик». Нет, я, конечно, ставил себя выше Вовочки, мнил психологом, но... Но пока Вовочка меня обыграл по части психологии элементарно. Оставил мне сестру Светы – на, обламывай зубы, прошибай лбом стену! А сам спокойно и уверенно танцевал со Светулей. И даже, вырубив люстру, оставив лишь ночник, уже целовал ее вовсю! А та не слишком сопротивлялась, сучка!

Однако распаленный алкоголем, я уже ничего не боялся, не чувствовал никаких тормозов. Я рвался в бой! Я шутил, я смеялся. Не ощущал себя последней буквой в алфавите! Взяв гитару, я выкладывался, точно перед целым залом. Я чувствовал, у меня получается! Она – сама Нифертити, секретарша проректора по АХЧ, Казановы-Лозового! – слушает

меня благосклонно! Когда в танце я прижимался к ней щекой, она не чуралась и сама прижималась ко мне. Когда я касался ее щеки губами, она прикрывала глаза длинными ресницами и не отстранялась. Лишь когда я попытался поцеловать ее в губы, она напряглась и словно задумалась, стоит ли мне это позволять? Но я был настойчив, и она уступила...

От Вовочки мы уехали довольно поздно. Из такси вышли на улице Горького, но где именно живет Нина, я так и не узнал.

– Дальше провожать не надо, – попросила она и погладила меня по волосам, точно маленького. Я притянул ее к себе, долго целовал в губы, она отвечала, потом вдруг резко обмякла. Я отпустил ее. Она тихонько усмехнулась, покачала головой, мол, надо же, что творится? Погладила меня по щеке, сказала: «Пока», – повернулась и ушла. Я стоял не шевелясь, смотрел ей вслед. Прежде чем свернуть за угол, обернулась, помахала рукой. Я помахал в ответ, она скрылась.

«Рассказать кому – не поверят, – подумал я. – Ниферти-ти решила просто развеяться, вот и все. И мимоходом свела меня с ума. Как теперь жить без ума? Мне еще учиться два курса!»

Утром следующего дня Вовочка встречал меня, как закадычного друга, хотя прежде мы были едва знакомы. Просто работали вместе.

– Ну как, уложил в койку Царицу Египетскую? – спро-

сил он.

– Если бы и уложил, тебе не признался бы, – рассмеялся я. – Мы же джентльмены! Но скажу честно, даже до дома не проводил, не позволила... А ты как? Свету у меня ты ловко увел, признаю. Пока я был ослеплен, как ты выразился, Царицей Египетской... Все сложилось?

– А! – воскликнул Вождь Краснокожих. – Танцы, шманцы, обжиманцы! Не дала, бл... ща!

То ли он решил быть джентльменом, после моего призыва, то ли правду говорил, сразу не определил. Но после того как вслед за этим Вовочка сделал сенсационное сообщение, понял – говорил правду.

– Зато знаешь, что я узнал? Не поверишь! Светка – дочь Лозового. Побочная, прикинь!

– Это она тебе сказала?

– Ну да, по этому делу. – Вовочка щелкнул себя под подбородок. – Не сам же я придумал! Она из Прибалтики приехала. И Нинку в Горький перетасила, в секретарши к папашке пристроила. Потому-то Нинка ей уважуху оказывает.

То, что сказал Вовочка, было так дико и невероятно, что походило на правду.

– Почему же Светка с Лозовым держится... как не родная?

– У них уговор был. Лозовой Светку в свой институт пристраивает, а она не афиширует родство. У него же семья... А Лозовой ей всячески помогает. Деньжат подбрасывает, то-

сё... Вот, сестрицу двоюродную на хорошее место пристроил.

– Ну, дела!

С этой болтовни Вовочки я понял, что на Светку он не сильно запал. Он же – парень с улицы, не то, что я – домашний. Сколько у него таких Светок было?.. Мне вдруг жалко стало Светулю. «Хорошая девушка, но... дворняжка», – прочитал я в одном английском детективе.

Легка на помине, появилась Света. Несколько раз она прошествовала с наполненными мусором ведрами от нового корпуса до контейнеров, обратно – с пустыми, прежде чем подошла к нам перекурить.

– Что я узнала! – понизив голос, с прононсом, заговорщически сказала она нам с Вовочкой. – Сашка Оруженосец вчера приходил домой к Лозовому, домашние его не пустили. Сказали, главы семейства дома нет. Так он под окнами до вечера маячил, затем еще раз пытался вломиться. Где, мол, Лозовой? Ночь уже! Ему сказали, на дачу уехал. Только после этого отстал.

Света утопала со своими ведрами дальше таскать мелкий строительный мусор, грузчикам тоже дело нашлось. Поехали с Вовочкой, в бортовом грузовике, на базу в Кстово за паркетом для нового корпуса. На базе была очередь, да еще в обед попали, вернулись под вечер. Вовочка сошел по дороге, не возвращаясь в гараж. Проходя через двор, я снова узрел Светулю. Уже переодевшись в чистое, она разговари-

вала о чем-то с Ленией Бубиным по прозвищу «Бубен», водителем Лозового. Бубен был жгучий брюнет, красавец-мужчина и известный бабник. «Общительная девушка!» – подумал я.

На мою голову свалился вдруг Кирилюк, начальник снабжения.

– О! Тимофей! Привет! – воскликнул он. – Личная просьба. Я тут стол письменный прикупил дочери. Поможешь доставить? В долгу не останусь.

Я отметил про себя, что, когда приперло, Кирилюк мое имя вспомнил сразу. Не стал орать: «Эй, как тебя?» Отказаться, конечно, я не смог. Кирилюк сел за руль ижевского «каблука», в фургончике которого находился теперь письменный стол для его дочери. Выехав через арку старого корпуса, мы завернули направо, и возле центрального входа я увидел... девушку своей мечты! Нифертити стояла со знойным брюнетом, холеным, породистым, что ваш скакун! Бомонд, ядрена вошь! Вместе они составляли красивейшую пару. Сердце мое пронзила стрела. Просто вечер измен какой-то! Ладно Светка, но моя-то как могла?..

Кирилюк ее тоже заметил:

– Вот она, куколка! Хороша краля, а? Юрий Владимирович умеет секретарш выбирать! И перца себе под стать отхватила!

– А вы его знаете? – спросил я, раз уж Кирилюк решил со мной посплетничать, как со взрослым.

– Хм! – усмехнулся он опять. – Сынок Бутенко, ректорского корифана. В КБ «Скороход» военную приемку возглавляет. Скоро за бугор сваливают всей семьей. То ли в Чехословакию, то ли в Польшу на три года. – В голосе Кирилюка прозвучала плохо скрытая зависть к тем, кто умеет в жизни устроиться. Сам он лишь недавно из шоферов перешел в начальники снабжения. Мужик с амбициями, чувствовалось. – Так что, у сынка мало времени осталось, чтобы девицу склеить.

«Вот отчего Нина не пожелала, чтобы я ее провожал, – подумал я. – Хочет, чтобы дружок свалил за бугор в статусе жениха. Мало ли что, вдруг еще пригодится? Некоторые во флоте служат по три года и ничего, дожидаются их. Есть же бабы терпеливые. Может, Нифертити тоже в душе декабристка? Туда, куда ее „мэн“ едет, она, вероятно с удовольствием за ним покатила бы. Да, кто же ее возьмет?.. Карьеристы хреновы!»

Я обиделся на весь мир и с серьезным видом уставился в окно.

За подъем стола на пятый этаж Кирилюк щедро отстегнул мне трешницу. Дай бог его дочери одних пятерок в дневнике! Мне нравилась традиция преподавателей и хозяйственников вуза платить студентам денежку, даром не эксплуатировать в личных целях. Хороший приработок получался к окладу. Вот только выйдя из подъезда Кирилюка я вспомнил, что в гараже оставил сумку со спецодеждой, а в шта-

нах – ключи от дома. Тьфу! Пришлось возвращаться.

В гараже сидели двое водителей, играли в шахматы и тянули «портвешок». При моем участии портвейн как-то быстро закончился и я, как честный человек, вызвался сходить еще за бутылкой.

– Возьми ключ от арочных ворот, – сказал Коля Маленький. «Маленький» была не фамилия, Коле и вправду бог росту не дал. – Горемыку не разбуди только! – напутствовал он меня.

– Какого горемыку?

– Увидишь. Сидит там, в углу, если менты еще не забрали. К нам идти отказался.

В арке я увидел... Саню Оруженосца! Он сидел на автомобильной крышке, скрестив руки на груди, натянув капюшон штормовки на голову, и спал. Под ногами его валялась пустая бутылка из-под беленькой и какой-то скомканный кулек. От закуски, должно быть.

– Саня! – Я потрогал его за плечо. – Эй!

Он что-то промычал, пошевелился, но просыпаться и не подумал. Ну, дела! Таким я его никогда не видел. Здоровяк если и опрокидывал стаканчик мимоходом, так на его поведении это никоим образом не отражалось. Веселым он итак всегда был, хоть после стаканчика, хоть без него...

После того, как Коля Маленький принимал на грудь, выиграть в шахматы у него было невозможно, это я давно заметил. Сегодня и подавно проигрывал, поскольку мыслями

все возвращался к Сашке, сидящему под воротами. Мне было жаль Саню. Вспоминал, как варили с ним уху на Ветлуге, ночь коротали.

– Коля, – попросил я Маленького, когда другой водила, Толик, засобирался домой. – Я вызову такси с гаражного телефона, поможешь мне Сашку загрузить? Домой к себе его заберу. А то ночью загребнут, обчистят, в вытрезвитель упекут, на работу телегу накаатают...

– Благородное решение, – оценил Коля.

Сашка был здоровый кабан и вправду. Кое-как мы с Маленьким загрузили его на заднее сиденье. Коля решил со мной ехать, помочь. Нормальный мужик.

К счастью, в такси Сашка, наконец, проснулся, узнал меня:

– Тима? Привет, дружище... Где я? Куда мы едем? Коля?.. – Сашка говорил жалобным голосом, точно ребенок, и несколько не был похож на погромщика, грозившегося лишиться проректора по АХЧ хозяйства, причем не институтского, а его личного.

– Ко мне едем, Саша. Поспишь у меня. Чего на улице сидеть?

– У-у-ух! – простонал Сашка, хватаясь за голову, и закрыл глаза. Опять уснул.

Подъехали к дому, Сашка, слава богу, более-менее пришел в себя. Пыхтя и отдуваясь, поднялся со мной на пятый этаж. Коля убыл к себе на том же такси. Трояк, заработанный

мною у Кирилюка, был потрачен, таким образом, на благое дело.

Утром Сашка проснулся раньше меня. Когда я продрал глаза, он уже хлопотал на кухне: грел чайник, а под крышкой сковороды оказался готовый омлет. Яйца и молоко он нашел в моем холодильнике.

– Я тут похозяйничал, – с виноватой улыбкой сказал он, – ничего?

– Правильно! – одобрил я. И, понимая уже, что не надо, все-таки достал из записки четверку, которую держал вместо спирта для дезинфекции, показал гостю: – У?

– Не-ет! – категорически помотал головой Сашка. – Спасибо, конечно, но я не похмеляюсь. Убери заразу!

Вообще-то он был на вид как огурец. Словно и не пил вчера.

– Контрастный душ – это классно! – объяснил он свой свежий вид. – Вот за что люблю городские квартиры. Летом-то у меня тоже душевая работает – из бочки. Ну а зимой – только в баньку. Тоже, конечно, хорошо, но каждый день не попаришься!.. Где у тебя курят?

– Здесь можешь, – разрешил я.

– Ну! Чего это я буду в кухне чадить?

– Тогда пойдем на балкон.

На моем узком балконе Сашка показался еще здоровее. Просто геркулес!

– К другу вчера завалился, обиду вином залить, – признался он. – Здесь, в Горьком, живет. Рулит в одной конторе. Вместе по горам бегали... Ты уже в курсе истории?

– Слухи одни.

– Вот, гляди, – Сашка расстегнул рубашку. Поверх чистого загорелого мускулистого тела на животе белела марлевая повязка со следами крови. – Там ваты у тебя взял, в аптечке, повязку переменить. Водой помыл рану, кровить снова стала... Это Лозовой меня полоснул.

– Ни хрена себе!

– Ага. Он, козлина, нажрался и к Маринке полез, – подтвердил Сашка мою версию. – Она в баню им с Санычем бражки принесла. («Саныч – это ректор, Василий Александрович», – понял я). А они и до того уже набражничались! Саныч, так тот вообще на полке уснул. А этот лапы распускать вздумал! Вывалился к ней в предбанник голым, урод. Хоть бы полотенцем обмотался!

Я домой с пилорамы пришел, смотрю, сестренка за забором сидит, съежилась, как воробей, трясется вся! Как узнал, в чем дело, так и дал им разгона! Начальнички! Оборзели! Лозовой, поганец, в дом убежал, я за ним. А он с ножом на меня. Не ожидал! Достал маленько... Вчера хотел найти уroda, условие поставить. Я забываю про нож, а он – чтобы сестре моей в институте козни не строил. А то ведь выживет ее. Как думаешь, Тима?

– Поговорить спокойно, да и все. Сам, поди, понимает,

что не прав. Это, если мягко сказать.

– Прячется от меня, сука!.. Или уж набить ему морду, отвести душу? А Маринка пускай в политех переводится... Переведут ли еще? – тут же засомневался рассерженный брат оскорбленной сестры.

– Сань, – сказал я. – Да что они ей сделают? Зачем им это надо? Лозовой, он же проректор по хозяйству. Его видят только те, кто работает при институте. А ректора, того вообще за целый год можно не встретить ни разу. Он то в министерстве, то в комиссии какой-нибудь, то депутатствует. Это же не преподаватели, лекций студентам не читают.

– Да? Ты прав, пожалуй. Если Маринку трогать не станут, то и хрен с ними. Только на охоту пусть не приезжают больше! К нам им отныне путь заказан! – сказал он мне так, будто я, простой студент, да еще «академик», мог передать такое ректору с проректором!

К гаражу Светуля подошла с первым же ведром в этот раз. Ведро у бабы оказалось полным, упрекнуть было не в чем.

– Сил нет! – сказала Света, брякнув ведром об асфальт. – Надо перекурить!

– Всякое большое дело начинается с маленького перекура, – согласился я. Взял ее ведро, донес до контейнера, опорожнил, пустое поставил перед ней и полез за сигаретами.

– А где Вовочка? – спросила она, прикурив от моей зажигалки.

– Тебе виднее, – тонко усмехнулся я. Света презрительно фыркнула в ответ и тут же улыбнулась мне:

– Нифертити свидание назначил?

– Я?! Думаешь, она пойдет со мной на свидание? У нее, я заметил, ухажер имеется – куда нашим! Такой солидол...

– Да ладно! Он за бугор скоро свалит со своим папачесом, в длительную командировку. В одной конторе работают. Только папаша – зубр, а сынок – без году неделя... Можем пикничок организовать. Хочешь?

– Ты еще спрашиваешь! Еще бы! Буду обязан.

– Заметано, – сказала деловито Света. И сменила тему:

– Ну что, Сашка не поймал нашего старого ловеласа? Морду не набил?

– Это ты про Лозового?

– Про кого же еще? Вовочка, небось, проболтался, что он мне родственник?

– Лозовой? Что ты говоришь? – воскликнул я, не особенно усердствуя в актерском мастерстве. Света поняла, что я все знаю, но Вовочку подставлять не хочу.

– Да ладно, – махнула она рукой. – Я с Вовочки обещания держать язык за зубами не брала. Ты за меня возьми! Мы с вами теперь одна банда, вот я вам и доверилась. А больше – никому.

– Не больно ты его жалуешь, Лозового.

– А чего мне перед ним расшаркиваться? Чужой дядя, по сути. Ну, в институт разве что поступить помог. А так...

– Мне тоже помог, – решил я ответить человеку откровенностью за откровенность.

– Серьезно?

– Ага. Сам он, правда, в глаза меня тогда не видел. Сосед мой по квартире в друзьях с ним был. Теперь помер. Царствие небесное! Отличный мужик!.. Мама моя боялась, что я в вуз без протекции могу не поступить, а она очень хотела. Больше чем я. Вот и искала подходы. Оказалось, у соседа нашего, дяди Яши, друг в водном – целый проректор. Ну и обещал помочь... Только экзамены я итак сдал неплохо. Одна четверка, остальные – пятерки. Проходной балл превысил заметно. Другое дело, без блата могли бы дополнительными вопросами срезать. Этого я не знаю.

– Я тоже с репетиторами занималась по физике и математике, не то что на халяву!.. Ну ладно. Пойду пахать. Скажи Вовочке, как появится, измены не прощу! – прикололась напоследок Света. – Спасибо! – подняла она кверху пустое ведро. Классная деваха! Что же это, про Нифертити она от себя говорит, или общалась с ней? – больше всего волновало меня.

Слово у Светы оказалось тверже гороха, даром что женщина. Так и не увидев поутру Вовочку, я уехал за цементом с Колей Маленьким на его грузовике, а когда вернулся, Вождь Краснокожих сам поджидал меня возле гаража.

– Прикинь! Нас чувихи на пикник приглашают! Светуля

и твоя леди.

– Да ты что?! – деланно удивился я. – Вот поперло!..

– Идем, значит? Завтра же суббота.

– Неужели я откажусь! Ты только не говори никому из своих многочисленных приятелей, что я с Нифертити вознамерился встретиться во второй раз. А то еще прирежет кто. У нее же дыхателей – весь институт!

Я старался не терять шуточный настрой, но в душе был взволнован, как пеликан на рыбалке. При мысли, что смогу, быть может, вновь прижать к груди саму Нифертити, будто свою, аж горело все внутри! Нет, это была не просто влюбленность. Это была дикая страсть! И никакой здравый смысл не работал. Знал, что у меня в соперниках такие перцы ходят! Но тут выбирает дама. Мне было плевать, чего это она с нами хороводится. Первый раз – от скуки, допускаю. Но теперь-то она знает, с кем встречаться идет. С нами. Со мной!!! «Мама, я сейчас умру!» – думал я.

Лето кончилось. Оно итак затянулось, спасибо ему за это! Конец августа, а народ все в речке плескался до вчерашнего дня. Похолодало. Встретились там же, возле Гребного канала, но желания купаться ни у кого не возникло. Ушли подальше от людей, расположились на траве. Девушки растянули подстилку. В этот день закуску приготовили они. Салатики, жареная курица... Мы с Вождем лишь закупили горячительное, как положено. Водки, по-взрослому. Еще при-

хватили трехлитровую банку яблочного сока, по моему настоянию. «Уписаемся, – ворчал Вовочка, таща банку. – Разве можно выпить столько сока? Это же не пиво!» Я его увещевал, что девушки водку без запивки употреблять не станут. Надо же соблюдать хоть в какой-то степени приличия...

От Светы Вовочке досталось, что не купил вина (я сразу свалил все на него). Тот оправдывался – денег было мало. От сорокаградусной все довольно быстро захмелели и стали дурачиться. Светка дала Вовочке щелбана в лоб, чтобы в другой раз думал, чем дам угощать, он вознамерился ее в ответ облапать, устроили потасовку. Моя Нифертити пошла к воде пускать камешки. Я какое-то время наблюдал, потом обнял ее сзади и стал целовать в шею. Трогал ее грудь и вообще везде трогал. Она уже тяжело дышала и неизвестно, чем бы это дело закончилось, не позови нас Светка. Нина застонала и резко отстранилась от меня. Отойдя на несколько шагов, она обернулась и посмотрела на меня исподлобья своими черными глазищами! И вдруг расхохоталась. Да она ведьма!..

Стал накрапывать дождь, и Света весело спросила:

– Ну, к кому сегодня поедем?

– У меня сегодня предки, – с большим сожалением сказал Вовочка.

– У меня хата пустая, – сказал я. Хотел добавить, что она и в прошлый раз была пустая, и завтра будет, но не стал. Зачем обесценивать такую, по общему мнению, роскошь, как

хата без родителей?

– О! – несказанно обрадовался Вовочка. – Клево!.. Вот только пить нечего, и бабки кончились.

– Выпить найдется, – заверил я. – Коньяк дагестанский устроит?

– Ни фиги себе! – поразилась Светочка. – Да я, похоже, не на ту лошадку поставила!..

Я видел, девушкам у меня понравилось. Старался поддерживать чистоту и порядок. Не хотелось ударить в грязь лицом, в прямом смысле, если вдруг маманя вернется из экспедиции раньше времени.

Я быстро сварил молодую картошку, открыл маринованные огурчики и помидорчики. Что еще надо? Ах, да – разлить.

– Откуда такая роскошь? – спросил Вовочка, вертя в руках бутылку «Старой крепости»?

– Потом расскажу. Вздоргнем! Закуска, конечно, больше для беленькой подошла бы. Классика, так сказать. Но, чем богаты, как говорится!

После чарки девушкам, естественно, захотелось потанцевать. Колонки у меня мощнецкие, и хулиганка – Светка все норовила врубить погромче. Вовочка приглушал звук, а она – опять. Я не встречал. Все для гостей!

Мы с Ниночкой (как я называл мою царицу теперь про себя) и под быструю музыку танцевали медленный танец. Я

не хотел ее отпускать, она была не против. А эти двое кривлялись вокруг нас и строили рожи, придурки! Они мне были очень симпатичны и со своими рожами в данный момент. Как быстро и неожиданно, на ровном месте, можно сказать, образовалась наша маленькая компашка!

– Как это еще соседи не пришли с нами ругаться?! – весело спросила Нина во время музыкальной паузы, когда вновь уселись за стол. – Им музон, наверное, по ушам бьет.

– Время детское, – возразила Света, главная виновница децибелов.

– Некому приходиться, – успокоил я. – Нет соседей. Квартира угловая, сами видите. Сосед справа умер недавно... – Я тяжело вздохнул. – Вот такой мужик был! – поднял кверху большой палец. – Дядя Яша. Яков Ааронович.

– Еврей? – спросил Вовочка.

– Сам ты еврей! – обиделся я. – Какая разница? У друга что, по-твоему, национальность бывает? Друг он и есть друг! Национальность бывает только у врагов!

– Веско! – оценила Света. – Сколько соседу лет было?

– Не знаю... – задумался я. – Пятьдесят пять – шестьдесят. Нет, шестидесяти еще не было.

– Я подумал, молодой, – сказал Вовочка.

– А что, разве старый? Ему бы еще жить да жить! Да он и на больного не был похож, а тут – онкология. Он – биолог, летучих рыб изучал. Где только не бывал! Жена померла, сын за границей живет. Дядя Яша, как заболел, тоже хо-

тел уехать, к сыну, в Израиль, там медицина крутая. А его не пустили, потому что работу его научную засекретили.

– Летучих рыб засекретили?! – удивился Вовочка.

– Он с летучих рыб на экранопланы перешел.

– Что за зверь такой?

– Экраноплан? Ты что, не знаешь? А еще в водном институте учишься... Да, ладно, ладно, не кипятись! Если бы не дядя Яша, я бы тоже не знал. Это, как сказать? Такой корабль, внешне больше похожий на самолет, который не плывет, а низко летит над водой. Эффект экрана – воздушная подушка его подпирает, понимаешь? Главное, крыло правильно рассчитать. А может лететь и над сушей, надо льдом. Чуешь? Пароход – не пароход, порт ему не нужен, мель не страшна и на глубинные бомбы он чихать хотел. И самолет – не самолет. Аэродром ему не требуется. Он, если надо, и на грунт, на воду сядет. Чувствуешь, перспективы?

– Это что же, биологи у нас теперь пароходы-самолеты разрабатывают? – не без ехидства спросил Вовочка. Девушки молчали, заинтересованные.

– Нет, конечно. Дядя Яша техникой, особенно – перспективной, с детства увлекался, помимо биологии. Все никак не мог решить, на кого учиться после школы, на биолога, или на инженера?

В итоге получил два высших образования. В КБ «Скороход» занимался экранопланами. Потом биология перетянула. Учась на биофаке, с будущей женой познакомился.

Но, интерес остался. Короче, он скорешился с одним чуваком из нашего водного института с кафедры гидродинамики. Въедливый такой чувак, как я понял. Гладырев фамилия. И вместе они стали тему эту разрабатывать. Дело пошло. У дяди Яши идей громадье было! Потом дядя Яша заболел. А Гладырева с их темой из института в конструкторское бюро «Скороход» перевели. Работу, как я сказал, засекретили, Гладырев стал сливки снимать, а дядя Яша, который все придумал, – по больницам.

На Гладырева дядя Яша обиделся. Тот все заслуги себе присвоил. Мол, дяде Яше все одно в этой жизни уж ничего не надо. Представляешь, каково? Да только бог не фраер, все видит, как говорится. На каком-то этапе работа у Гладырева застопорилась. В КБ, видно, стали его подбадривать, мол, ты чего, чувак? Зарплату тебе платят – дай бог каждому, а где результат? Тут он вспомнил снова про Якова Аароновича. Стал на поклон приезжать. Но дядя Яша тоже не лыком шит. «Мне, – сказал ему, – деньги на лекарства нужны. Хочешь информации – раскошеливайся!» Стал Гладыреву свои наработки по частям продавать. А тот только рад был! И коньяк этот дагестанский тоже он привез, целый ящик. Дядя Яша меня угощал.

Потом дядя Яша умер, и все. Думаю, работа у Гладырева встала. Ни хрена он без дяди Яши не сможет!

– Почему ты думаешь, что работа встала? – спросила Нина.

– Потому что Гладырев приезжал потом. Просил разрешения посмотреть бумаги дяди Яши.

– У тебя просил? Почему у тебя?

– Я же говорю, потому что мы с дядей Яшей друзья были. У меня ключ от его квартиры. Пока дядя Яша в больнице был, я цветы у него поливал, рыбок кормил... А теперь эта квартира... моя!

Я был уже достаточно хорош, потому признался своим новым друзьям. Хотелось еще на Нину впечатление произвести.

– Как твоя?! – удивилась Света. Да и Нина с Вовочкой смотрели на меня во все глаза.

– Дядя Яша незадолго до смерти прописал к себе мою мать. Они заключили фиктивный брак. На тот случай прописал, если сын его вернется. Но сын не вернется. Он врач, хорошо зарабатывает, положение имеет. Там у него семья... Работы видно настолько много, что даже на похороны приехать не смог. Хотя я этого не понимаю.

Помолчали, потом Вовочка сказал:

– Да, хороший подарок вам сосед сделал!

– Мы с ним очень сдружились. Особенно – в последнее время. Он – один, и я – один.

– А ты почему один? – удивилась Света. Я понял, что проговорился. Сказал «а», придется говорить «б».

– У меня мать – в экспедиции. Руду в Сибири ищет или золото – не знаю. До этого в НИИ «Гипрогеология» работа-

ла, бумажки перекладывала. А тут решила денег заработать и умотала в тайгу.

– А отец твой? – спросила Света, понизив голос, осознавая, очевидно, что уже чересчур любопытствует. Отцы – это такая тонкая, хрупкая материя! Один запьет, другой загуляет, третий просто так сбежит. Не считая тех случаев, когда папа просто не установлен. Бывает в жизни и такое... Но я не обиделся:

– Отец? Он у матери – начальник экспедиции. Правда, они десять лет, как в разводе. Но теперь не удивлюсь, если снова сойдутся...

Вечер подходил к той точке, на которой встает вопрос, что дальше? Света, как связующее звено нашей маленькой компашки, посмотрев на Нину, спросила:

– Нам пора, наверное?

Больше всего мне понравилась слово «наверное», выражающее сомнение, в ее вопросе.

– Какой смысл вам уезжать?! – возопил я голосом радушного хозяина. – Завтра воскресенье. В доме запасено достаточно постельного белья. Горячая вода, слава богу и ЖЭКу, имеется. Оставайтесь! Три комнаты.

– Это новый поворот сюжета, – откликнулась Света. Нина помалкивала. Помалкивала!

– Я должна тетю предупредить, – сказала Светуля. Я сделал комически широкий жест в сторону журнального столика, на котором стоял телефон.

– Тетя Вера! – постаралась Света сделать голос серьезным и трезвым, набрав номер. – Мы тут с Ниной... Ты звонить не будешь? – улыбнулась она нам и Нине, доложившись тете.

– Куда? В наш родной Даугавпилс? – развеселилась Нина...

Приняв душ последним, я оглядел опустевшую гостиную, свой диван. К девушкам соваться не стал, но Вовочку проведать, как тот устроился, счел себя обязанным. Войдя, увидел, однако, рядом с наглой рыжей мордой Вождя Краснокожих улыбающуюся физиономию Светочки!

– Сюда нельзя, здесь кролики! – засмеялась она.

Блин! Я поскорее вышел! Этот гад все же совратил невинное дитя! Что мне было делать? В той комнате, где большая двуспальная кровать, пребывала сейчас Нифертити. Идти к ней было самонадеянно и страшно, остаться же на диване, в гостиной, не попытав удачу, – глупо. Я взял гитару и робко шагнул в комнату к Царице Египетской. Боялся, что увижу сейчас ее спящей, отвернувшись лицом к стене, но нет! Она лежала, укрывшись легким одеялом. Черные волосы разметались по белой подушке, прекрасные глаза смотрели на меня.

– Серенада на ночь! – Я осторожно присел на краешек кровати.

Она приподнялась на локте, придерживав другой рукой одеяло на груди. Показала, что готова слушать.

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому, по краю,

Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...

Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю, —

Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!

Трудно сказать, с чего это я вдруг запел песню Высоцкого, да еще именно эту?.. Нина слушала странно: серьезно и внимательно, прикрыв глаза. А когда я закончил петь, открыла глаза и прошептала:

– Иди сюда...

К моему стыду, она очень быстро определила мою неопытность в постели, несмотря на обширные, как у всякого подростка, теоретические познания. К моему счастью – взяла инициативу в свои руки...

Утром, проснувшись, я почувствовал, что душа висит на ниточке после вчерашней попойки. Но воспоминание о том, что случилось ночью, мгновенно подняло до небес. Нина отвернулась от стенки и, не открывая глаз, обняла меня. Я стал гладить ее руку, плечо. Она подняла подбородок, подставив губы, я стал целовать ее, сжал в объятиях. Опыта со вчерашнего вечера у меня прибавилось...

Как буря миновала, она, полежав пару минут, не подавая признаков жизни, спросила:

– Хочешь, я принесу кофе в постель?

– Правда? Это будет чудесно! – ответил я безо всяких эмоций в голосе.

Нина поднялась, завернувшись в полотенце. Я услышал,

что за стенкой возьмется Вовочка со Светкой. Увел-таки у меня девчонку! Но я, ей-богу, не в накладе. Еще бы! Тогда я и не думал...

– Эй, греховодники! – постучала, я услышал, Нина им в дверь. – Сейчас прилетит фея и принесет всем кофе!

– И пивка еще, пожалуйста! – послышался голос Вовочки.

– Ты что, алкаш, что ли, похмеляться?! – пожурила его Света.

– Как быстро ты меня раскусила!..

Нина отлично разобралась у меня на кухне, и вскоре «греховодники» встречали ее появление возгласами восторга. Затем дошла очередь до меня. После кофе мы с Ниной, конечно, снова сплелись в объятиях. Отдав последние силы, опять уснули. Проспали до обеда. Так не хотелось просыпаться! Я думал, дождь на улице. Даже в окно посмотрел, присев на койке. Нет дождя! Любовь, видно, отняла много сил. Женщина моя тоже морщила носик, не желая открывать глаза.

После сна в гостиной собрались уже две пары, а не просто члены одной компании. Света сидела на коленях у Вовочки. Нина кормила меня творожком со сметаной с ложечки. Но была какая-то другая. Задумчивая. Наверное, вспомнила о каких-то заботах. Может, о своем «солидоле», который еще не отчалил в Польшу или куда там? В Чехословакию? Скорее бы! Скатертью дорога! Это что же, пока он не отчалит, мне придется мириться с его существованием? Как-то

с ним делить Нину? Делить?! Ну, нет! Я не хотел ее ни с кем делить! Я уже готов был заявить на нее свои права!.. А получится? Как она ко мне относится? Что значит для нее эта ночь? Я не знал.

Вечером девушки стали прощаться. Остаться еще на одну ночевку никто не собирался, это было очевидно. Погуляли, хватит! – казалось, могли бы сказать девушки. Мы вместе сели в троллейбус, но Вовочка со Светой сошли у дворца Спорта, а мы с Ниной поехали дальше, в центр. И все повторилось. Расстались на том же месте, что и в прошлый раз. «Провожать не надо». Она держала дистанцию...

Дома я навел порядок, убрал посуду, которую помыли девушки, полил мамины цветочки и вспомнил про соседские. Снял ключи с гвоздика в прихожей. Пошел во вторую свою квартиру, которую по-прежнему не считал своей.

Открыв дверь дяди Яшиного жилища, я застыл на пороге и осмотрел обстановку новыми глазами. Как будто, после того, как рассказал компании, что моя мама здесь осталась единственным прописанным жильцом, наконец-то и сам поверил в это.

Подарок, по мнению Вовочки, нам с мамой достался что надо. Дядя Яша один в хоромах чувствовал себя жутко одиноко, – подумалось. Его редко кто навещал в последнее время, и похороны были «нищенскими», за счет факультета. Выносили из морга, в закрытом гробу. Домой дядю Яшу не завозили. Были речи на кладбище. Декан биофака сказал

о большом вкладе Якова Аароновича в науку. Лозовой наш тоже толкнул речь. Накануне он приходил домой к дяде Яше. Требовались кое-какие документы. Я дал ключи, объяснил, где искать бумаги, – в секретере мебельной стенки. Мне дядя Яша говорил. Он учел, что мог. До конца был в сознании, и я никак не ожидал, что все окончится так печально. Лозовой вернул мне ключи часа через два. В руках у него была большая сумка, хотя до этого приходил пустой. Столько документов?! – мысленно удивился я.

Когда потом пошел поливать цветы, то не обнаружил коллекции марок дяди Яши. Пропали все альбомы, что стояли в стенке. Дядя Яша был увлеченным филателистом, настоящим. Как-то сказал мне: «Знаешь, Тима, моя коллекция ведь денег стоит!» Как я понял – не малых.

Коллекцию дядя Яша завещал мне хранить, но что прикажете делать? Идти к проректору своего института с обвинением, что тот спер марки? Мне эти марки, по большому счету, были до фонаря. Только что денег стоят, как сказал дядя Яша...

Дойдя с кувшином до кабинета дяди Яши, как он называл одну из комнат, вдруг не то, что увидел, почувствовал: что-то здесь не так. Еще не понял даже, что именно. Только потом сообразил: нижний ящик стола выдвинут. Не до конца – так, приоткрыт. Прежде все ящики были закрыты, за это готов был поручиться.

Сам ящик открыться не мог – допустим, от вибрации.

Землетрясение в последний раз случилось лет десять назад, да и то, не в Горьком, конечно, а в Молдавии. У нас только люстры чуть-чуть раскачивались. Кто радио не слушал, вообще ничего не понял. Особенно, если с бодуна...

Родственники объявились? Родственники зашли бы к соседям – ко мне, наверняка, за ключами. Не говоря о том, что нет в Горьком никаких родственников у дяди Яши.

Хорошо, – рассуждал я. – Пусть кто-то как-то вошел-таки в квартиру, не сломав замков. Что именно неизвестный искал в нижнем ящике стола у дяди Яши?.. А кто сказал, что только в нижнем ящике? Быть может, он искал и в других местах?..

Я принялся осматривать внимательно стол и обнаружил, что на каждой ручке, в середине, отсутствует пыль. А по краям ручек она есть. Я прошелся теперь по всем комнатам и осмотрел внимательно все, что мог. Пыль отсутствовала на ручках всего, что открывалось, на всех ручках, то есть! Тут прошлись по всей квартире. По какой-то оплошности забыли до конца задвинуть один лишь нижний ящик стола. Быть может, злоумышленника отвлекло что-то? Смотреть, что пропало, было бесполезно. Я понятия не имел, что именно лежало в ящиках прежде. Ценностей у дяди Яши, кажется, не водилось, помимо коллекции марок. Но, с коллекцией-то как раз все было понятно.

Я задумался, что же делать? Сообщить в милицию? А о чем? Что мне показалось, будто кто-то залез в квартиру,

которая теперь числится за моей матерью, но, что из квартиры пропало, я не знаю? Бред какой-то! Ни один мент, если он в своем уме, не пойдет после такой вводной снимать отпечатки пальцев с мебели. Тем более, как я заметил, пыль отсутствует не только в середине ручек, где за них берутся, но и вокруг – на полированной поверхности. Очевидно ручки все протерли тряпкой.

Успокоившись на этом, я принялся сам стирать отовсюду пыль, затем мыть полы. Все необходимое для этого имелось в ванной комнате. Мама может гордиться мной, думал. Из лентяя, благодаря ее отсутствию, превращаюсь в человека!

Вернувшись домой, я завалился на диван и задумался о своих начинаниях в духе Шерлока Холмса. Может, я слишком много книжек прочитал, а ящик все-таки сам? Но, как? И – пыль? В смысле, ее отсутствие на ручках и вокруг?..

В понедельник с утра калым подвалил. Поехали с Вовочкой к самому Лозовому мебелья новые завозить, старые – вывозить. Поймал себя на мысли, что Лозового в последнее время становится как-то слишком много! Однако, калым – это хорошо. Возьму да и приглашу Царицу Египетскую в кабак! Вдруг согласится? Потом ко мне поедем...

Вовочка помешал мне мечтать, сразу заговорив про нашу совместную пирушку, едва устроились в кузове грузовика. Коля Маленький дал газу, мы хором качнулись, как два

китайских болванчика. Вождь Краснокожих взахлеб рассказывал о том, что Светуля в постели вытворяет. Очевидно, влюблен в нее он вовсе не был, иначе помолчал бы. Я же на его вопросы о способностях Нифертити заявил, что у меня с ней ничего не было.

– Как не было? – изумился Вовочка.

– Да так, не было, – повторил я. – Она отвернулась к стенке и уснула, и я тоже уснул. Пить надо меньше.

– Что, просто так уснул?!

– Да, просто так. Я вообще слово себе дал – до свадьбы ни-ни. Не хочу смазывать впечатление!

Вовочка некоторое время смотрел на мое абсолютно серьезное лицо, потом хлопнул себя по ляжке и принялся ржать!

– Ну ты и приколист! А я-то уши развесил!.. Ладно, не хочешь рассказывать, не говори. Джентльмен хренов!

– Честь имею!

Возле мебельной базы я увидел «Волгу» Бубена. В стороне прогуливался Лозовой. Проректор по АХЧ был одет в отменный светлый костюм, белоснежную рубашку, галстук. Высокого роста, видный мужчина. Казанова долбаный! Пусть только попробует к моей Ниночке сунуться... «Она же его родственница!» – напомнил сам себе. Но, тут же поправил: «Она – родственница его дочери. Это еще ничего не значит. Очевидно, родственница по матери?..»

Мы бережно загрузили книжный шкаф в Колю Маленько-

го (в смысле – в его грузовик) и доставили в шикарную проректорскую «фатеру». Старые книжные этажерки, освобожденные от книг, были приготовлены на вынос. Книги были аккуратно сложены на полу, на расстеленных газетах. Особое место занимали альбомы с марками. Я сразу узнал кляссеры дяди Яши. Если бы и сомневался до этого, что Лозовой их прибрал, то теперь удостоверился.

Новые кляссеры взамен старых дядя Яша изготовил сам. Кожу для обложек ему привезли из Богородска на заказ. Стежки были ровные, словно прошиты на машинке, – он старался. А страницам, в которые были вклеены целлофановые кармашки, дядя Яша придал вид старинных папирусов. Картон покрасил в бледно коричневый цвет и расписал какими-то текстами. Мне кажется, идею ему «подказали»... обои в его кабинете. Они тоже были такого примерно цвета, а вместо узора – повторяющиеся цифры, математические и физические формулы. Тангенсы-котангенсы, «эм же квадрат»... Дело вкуса. По мне так цветочки на обоях как-то привычнее... «Но, Лозовой – наглец! Мало того, что марки мои спер, так еще шкаф под них таскать заставил! – подумал я. – Ладно, молчу, молчу. Собственно, марки мне не интересны. Но, какого хрена?..»

Вовочка споткнулся на ровном месте и едва вписался лбом в оружейный сейф, стоящий в кабинете Лозового.

– Осторожно, – спокойно сказал хозяин сейфа. – Этажерки снесете, погрузите. Дальше Николай сам увезет куда надо.

Вы на работу возвращайтесь. Это на проезд, – пошутил он, подавая каждому по пятерке. Щедрый барин!

– Кутнем с девочками, а? – предложил Вождь Краснокожих, когда Колин грузовик скрылся из глаз.

– Обязательно, – согласился я. «Царица бы только была не против», – подумал при этом. – Хата по-прежнему свободна. Если ты договоришься с девочками...

– Заметано! Заброшу удочку Светуле.

К вечеру Вовочка меня огорчил. Я только вернулся с очередной базы – ездили с Кирилюком за новой формой для студентов.

– Облом, – сказал Вовочка. – Нифертити сегодня не может.

Придя с работы домой, в пустую квартиру, почувствовал растерянность. Чем заняться?

Внезапно в дверь одинокого студента позвонили. Кому бы это? – удивился я. – Может, Вовочка все же вытащил девок на гульки? – зародилась надежда.

Отворил дверь, на пороге стоял совершенно незнакомый перец. Средних лет, в костюме, весьма respectable вида. На носу – очки в тонкой золотой оправе. Незнакомец поздоровался и, указав на дверь дяди Яши, извинился и спросил, был ли я знаком с Яковом Аароновичем?

– С дядей Яшей? Да, конечно, – ответил я.

– Очень хорошо, – обрадовался человек. – Могу я с вами поговорить о нем? Я не смог присутствовать на похоронах.

Только сегодня прилетел из Риги... – Я уловил едва заметный

акцент в его, впрочем, довольно чистой русской речи. Если бы он не сказал, что прилетел из Риги, я бы, возможно, ничего и не почувствовал.

– Проходите, пожалуйста, – пригласил его в квартиру.

– Видите ли, – начал объяснять цель своего визита незнакомец. – Я приехал из Риги, – повторил он, – из института гидроакустики. Одно время мы с Яковом Аароновичем вместе работали. Изучали дельфинов... – незнакомец улыбнулся и, расстегнув свой кожаный кейс, достал и протянул мне цветное фото. Я узнал дядю Яшу. Выглядел он куда моложе, нежели в последнее время. На фото он стоял вместе с моим гостем. Оба улыбались. За спиной у них располагался бассейн с дельфином. Снимок запечатлел мгновение, когда дельфин выпрыгнул из воды за рыбиной, которую ему протягивала девушка в полосатой футболке. Вежливо улыбнувшись, я вернул незнакомцу фото.

– Потом Яков Ааронович занялся летучими рыбами и – вот совпадение – я тоже! Нас обоих волновало, как некоторые секреты природы можно применить к технике. Мы поддерживали отношения, интересовались работой друг друга. А тут я узнал, что Яков ушел из жизни... Жаль, если разработки вашего соседа пропадут даром! Исчерпав официальные возможности получить к ним доступ, я решил действовать, так сказать, неофициально в интересах науки! Вы

не знаете, у него остались какие-то бумаги, записи? Кто-то из родственников бывает здесь?

Я не видел повода скрывать то, что знал, поэтому рассказал бывшему коллеге дяди Яши все, что мне было известно.

– У дяди Яши действительно кабинет был вечно завален бумагами. Но однажды он навел порядок. Это случилось уже после того, как узнал о своей болезни. Он выбросил все! Сдал в макулатуру, как сам сказал. Пошутил, что как ученый, объявляет перекур до следующей жизни! – грустно усмехнулся я. – В последнее время он, насколько могу судить, не занимался больше наукой.

– Но я уверен, он не мог просто так выбросить все свои наработки! – возразил гость из Риги. – Быть может, он их передал кому-то? Кто у него бывал?

– Не знаю. У него почти никто не бывал. Только Юрий Владимирович Лозовой, проректор по АХЧ института водного транспорта, в котором я учусь. Но Лозовой, насколько я знаю, ведь наукой не занимается. Он – хозяйственник. Еще – Гладырев. Имени-отчества не знаю. Какую-то работу, рожденную от летучих рыб, если можно так выразиться (мне понравилась собственная фраза), этот человек вел с дядей Яшей совместно. Работу не биологическую – инженерную. Потом Гладырев с этой работой перевелся из водного института в КБ «Скороход». Эту тему засекретили – единственное, что мне известно. А дядя Яша заболел. Гладырев являлся к нему за советами. Дядя Яша на него обиделся за то, что

все его идеи Гладырев присвоил себе.

– Раз обиделся, а Гладырев приезжал, значит, дядя Яша не выдал ему всех своих секретов, так? – подмигнул мне незнакомец.

– Думаю да, – согласился я. На самом деле был в этом просто уверен.

– Видите ли, меня именно эта тема, рожденная от летучих рыб, как вы выразились, и интересует. Я был в вашем водном институте. У нас все готовы засекретить! – в голосе моего гостя прозвучало недовольство. – Где-то же они должны храниться, записи дяди Яши? Человек, ученый, не может просто так взять да и похерить свое главное детище!

– Вероятно, вы правы, – согласился я. Мне это ничего не стоило.

– Простите, вас как зовут? – спросил меня рижанин. Мне нравилось, что обращается на «вы», как к большому.

– Тимофей.

– Очень приятно. А меня – Йозас Генрихович. Тимофей, подумайте, где, у кого могут храниться записи Якова Аароновича? Я очень заинтересован, их найти и хорошо заплачу тому, кто поможет это сделать. Очень хорошо заплачу! – повторил он с нажимом.

– Я рад помочь, но не представляю...

– Вы не спешите. Подумайте. Я перезвоню через несколько дней. Назовете свой номер телефона? Мне звонить некуда, в гостиничном номере нет аппарата. Я пробуду еще неко-

торое время в Горьком, есть другие дела. Я – в командировке.

– Хорошо, записывайте...

Йозас Генрихович, который из Риги, удалился, а я и вправду задумался над его словами.

Взяв ключи от дяди Яшиной квартиры, я отправился проверять все ящики и шкафы. Никаких бумаг не нашел, зато обнаружил деньги – пачку красных червонцев в верхнем ящике стола в кабинете. «Хм! То есть, деньги не тронули, – подумал я. – Ну тогда, когда оставили незакрытым нижний ящик. Стало быть, деньги были не нужны. Искали не деньги. Да и обычные грабители не стали бы так аккуратничать. Они вытряхнули бы все содержимое из ящиков на пол, да и все. Не потрудились бы навести порядок за собой! Не-ет. Тот, кто прошелся по квартире, хотел, чтобы это осталось незамеченным. И бабки не взял...

Но с какой стати я должен переживать из-за бумаг дяди Яши? Мне-то, по большому счету, какая разница?..

Следующим днем мы с Вовочкой увиделись только за обедом, если его можно таким назвать. Пока ели один батон на двоих, запивая его молоком из пакетов, рассказал Вовочке про гостя из Риги и свое экспертное заключение об обыске в квартире соседа. Надо же было перед кем-то выпендриться своей наблюдательностью! Вовочка, по-моему, слушал меня в пол уха и не поверил.

После обеда человека человек послал на арматурный завод в Семенов. Начальник снабжения Кирилюк – Колю Маленького. Коле был придан я...

Дневные производственные скучные дела, без единого лучика надежды на что-то неординарное, нагнали на меня унылое настроение. Лето заканчивается, «академ» заканчивается, впереди – учеба, то есть серые будни. Это настроение я и притащил домой и увалился с ним на диван. Однако уснуть не успел. Заставил встряхнуться звонок! Дойдя до прихожей, еще не отворив дверь, уже услышал за ней какое-то движение, шуршание и хихиканье. Причем – женским голосом. Радостно открыл дверь и увидел всю банду в полном составе: Вовочку, Светку и Нифертити!

– Гостей принимаете? – спросила Света, после чего они посмотрели с Ниной друг на друга и захохотали, как дурочки, словно тут был подвох, мне неизвестный. Вовочка поднял брови и покачал головой. Мол, женщины, что возьмешь? Гогочут!

– Гостей принимаем! И с гостями принимаем! Прошу! – Я отступил от двери, делая широкий приглашающий жест. То, что Нина вновь приехала ко мне, подняло до небес сразу. Гости притаранили сумку с выпивкой и закуской. Кое-что я добавил от себя, накрыли славную поляну, зазвенели бокалы. Жизнь продолжается, «академ» еще не кончился! – возликовала моя душа.

– Жениху побольше клади, – подначивала Светка сестри-

цу, раскладывающую салатик. – Он худенький, откармливать надо.

– Надо же! Уже сосватала! – беззлобно усмехнулась Нина.

– А что? Парень симпатичный, – вогнула меня в краску Светуля, рассматривая оценивающе. – Опять же, жилплощадь своя имеется... Когда квартиру будешь показывать, Тимофей Батькович?

– Хоть сейчас, – окончательно смущенный, предложил я.

– О! Точно! Пойдем, Нинка, наследство жениха твоего смотреть!

– Иди на фиг! – засмушалась теперь и непрошибаемая Нина.

– Ну, не хочешь, я без тебя схожу. Мне любопытно. Вован! Наливай еще по одной и идем. Да, Тима?

– Экскурсия так экскурсия. Все для вашего удовольствия!

Хлопнув еще рюмашку и закусив, я повел компанию показывать хоромы дяди Яши.

– Ух, ты! Классная хата! – замерла Света на пороге гостиной. – Сколько здесь комнат?.. Нинка! Богатый жених-то!

– Хватит еще! – огрызнулась Нифертити. – Тоже мне, сватья баба Бабариха нашлась!

– Может еще, сын дяди Яши вернется, – вставил я.

– Ну да, как же, вернется он оттуда в наш «совок»! Дурак он что ли?! – воскликнула расходившаяся не на шутку Светуля.

– Думаешь, что болтаешь-то! – одернула ее Нина. – Лишнего

выпила?

– Ой, да, да, – понизила голос Света. – КГБ не дремлет! Тс-с-с! – она приложила палец к губам.

– Дура пьяная, – констатировала Нина без эмоций. – Набухалась девушка.

Светуля махнула на нее рукой, что-то сказала Вовочке, и они заржали на пару. А Нина прошлась по гостиной, легонько провела рукой по гладкой полировке мебельной стенки, чуть выдвинула и снова задвинула ящик – не для того, чтобы посмотреть, что в нем, а будто бы проверить, легко ли выдвигается, затем прошла в кабинет.

– А почему полки пустые? – спросила она.

– Ты не первая спрашиваешь, – признался я. – Тут уже двое интересовались. Первый – Гладырев, который экраноплан. Я говорил о нем. Еще – один старый знакомый дяди Яши хотел знать, где все его бумаги. Из Риги приезжал. Я Вовану рассказывал. Работали вместе. Так я объяснял, сперва одному соискателю, потом другому, что дядя Яша все выбросил. Если кому-то что-то и передал, так мне не доложил. Очень этот дядька из Риги волновался. Говорил, ученый не может просто так взять, да и вышвырнуть свои наработки! Где-то они, дескать, хранятся!.. Кстати, денег мне предлагал, если найду. Хотя бы подскажу, кому дядя Яша мог их передать.

– Ну, так давай продадим тому дядьке список друзей твоего покойного соседа, – усмехнулась Светуля. – На выпивку

заработаем!

– Где его взять, список?

– Книга телефонная в прихожей лежит.

– Что, все номера перепишем?

– Зачем все? Только тех абонентов, с кем он чаще общался, – поддержала неожиданно Нина «набухавшуюся девушку». – Это определить не сложно, как секретарь говорю.

Она подошла к полке, взяла книгу, встряхнула ее, та раскрылась:

– О! Вот и Лозовой, мой шеф. Первым открылся.

– Твой метод действует! – усмехнулся я. – Лозовой и правда к дяде Яше захаживал иногда.

Нина еще тронула листы длинным пальчиком с изящным маникюром:

– А тут кто? Гладырев. Про него ты говорил?.. А здесь какой-то длинный номер. Иностраный, кажется.

– Это сын, скорее всего. – Я взял у нее книжку. – Ну да, Лева. Это хорошо. Надо будет позвонить ему. Почему-то он сам ни разу при мне отцу не звонил...

– И ты не вздумай звонить! – горячо воскликнула Светка. – Не то отхрюпает вашу с Нинкой квартиру!

– Вот, разошлась! – подивилась Нина. Мне, признаться, тема, выбранная для шуток Светулей, была волнительна и приятна.

– А вот тут, в гостиной, почему одна полка пуста? – обратила внимание Света.

– Здесь были альбомы с марками дяди Яши. Он являлся страстным филателистом. В Обществе состоял, с другими переписывался...

– Коллекцию он тебе не оставил?

– Оставил, – тяжело вздохнул я. – Беречь велел.

– Чего вздыхаешь? Покажешь? Я тоже когда-то марки собирала. Спорт и космос.

– Показал бы, да марки без меня прибрали.

– Кто-о-о!?

– Да какая разница? – Я побоялся, что Свете будет неприятно слышать такое про своего папаню, хоть и «не законного».

– Ну, кто, кто? Чего из тебя все клещами тянуть надо? Мы банда или не банда?

– Не хотел говорить вам, точнее – тебе, но если ты настаиваешь... Лозовой и прибрал коллекцию! Конечно, он не знал, что дядя Яша коллекцию мне завещал. Но, все равно брать не имел права. Похозяйничал...

– Тю-ю! Это точно? – возмутилась Света.

– Сам видел альбомы дяди Яшины у Юрия Владимировича. С Вованом на днях ему мебели завозили.

– А чего не предъявил свои права? – удивился Вовочка.

– Ты в своем уме? – в свою очередь удивился я. – Проректору?

– Я бы задал вопрос, – покачал головой Вовочка. – Сделал бы лицо попроще да спросил бы...

– Тебе никто коллекцию не завещал! – Светуля легонько хлопнула «своего» по рыжему кудрявому затылку.

– Че дересся?! – шутовски возмутился Вовочка...

Вернулись ко мне догуливать. Ночевать девушки в этот раз не остались. Я склонен был винить в этом Светочку, переборщившую с шутками про жениха и невесту в отношении нас с Ниной. Царице Египетской, вероятно, показалось, что сестрицахватила через край. Побоялась, как бы я не потерял голову от таких шуток? Как будто бы я ее уже не потерял...

А утром, словно в продолжение темы, получил по носу хорошего щелчка! Приехав раньше обычного, обнаружил арочные ворота закрытыми, пришлось идти через парадный подъезд старого корпуса. В вестибюле увидел нечто, мгновенно испортившее настроение: Нина – моя Нина! – стояла, прислонившись к стене. Лицом к лицу с ней, непозволительно близко, находился Солидол, как я окрестил его. Он еще рукой о стену оперся, будто отсекал подход кому бы то ни было к Царице Египетской, наглец! Просто так пройти мимо я не мог.

– Извините!

Царица увидела меня, вздрогнула – не ожидала! Солидол обернулся, не успел ничего сказать, Нина быстро убрала его руку, подалась ко мне:

– Вы что-то хотели? – спросила секретарским голосом. Не желает, чтобы я афишировал наши близкие отношения, –

понял.

– Я хотел спросить, как пройти в библиотеку?

– У нас их две, – Нифертити сделала вид, что не замечает моего юмора. – Одна – в первом корпусе, на втором этаже, другая – во втором, на третьем.

– Большое спасибо, – поблагодарил я очень серьезно.

– Что, чувак, заблудился? – спросил меня Солидол, весьма недовольный тем, что кто-то вклинился в его интимную беседу.

– Возможно, – ответил ему совершенно спокойно. – Сам еще не разобрался.

Очень хотелось размазать козла по стенке, не смотря на разницу в весовых категориях, но желание женщины – закон. Однако твердо решил, пора с «женщиной» выяснить отношения!..

Но закрутился хоровод дел, – начало учебного года на носу как-никак! Снабженцы шуршат. Визит к Нине, то есть в предбанник Лозового, пришлось отложить до завтра. Но уж на другое утро я, изловчившись, никуда не поехал, напросившись в помощники к кладовщице, затем, слиняв от нее, направился к Царице Египетской. Потянув дверь в предбанник, я замер, залюбовавшись. Моя царица в коротком платье стояла на столе босиком и цепляла штору к потолочному карнизу. Наполовину штора уже висела, наполовину волочилась по полу. Девушка обернулась.

– Здравсьте, – приветствовал я ее.

– Здравсьте, – она наблюдала сверху вниз, как я приближаюсь. Подойдя, положил ладонь на ее длинную, гладкую, загорелую ногу повыше щиколотки и полез ею – ладонью – вверх. Приобретенный мной опыт требовал развития.

– С ума сошел! – воскликнула моя наставница, отшатнувшись от меня. Она присела, сведя колени, и обхватила их ладонями. Посмотрела на меня строгими глазами:

– Что, может прямо здесь, на столе, чем-нибудь займемся?

– Было бы не плохо... – согласился я. – Приезжай вечером ко мне! – Я забыл, что пришел выяснять отношения.

– Я подумаю, – сказала она после паузы, пряча улыбку.

– Я встречу тебя?

– Не надо.

– Приедешь? – Я положил ладони на ее ладони, которыми она накрыла свои колени.

– Иди! – Она высвободила одну руку и тихонько оттолкнула меня. Я подумал: «Приедет!» Изобразил губами поцелуй, чмокнув воздух, отвернулся и ушел.

Весь день до вечера душа пела. Я купил букет роз. Вечером Нина позвонила и сказала, что не сможет. Хотела – честно! – но не получается. Чтобы не обижался.

Я поверил: хотела. Что там за дела у нее? Расспрашивать не стал. Чувствовал, торопится куда-то. Сама расскажет, если захочет. Хотя до сих пор она не слишком много о себе говорила. Все, что я про нее знал, – больше от Светки.

В последующие дни оптимизм мой рассеялся. У себя на работе Нина не появлялась. И Светки не было. Вовочка тоже, наконец, взволновался, съездил к Светуле домой. На другой день доложил:

– Болеет. Лежит с ангиной. Мороженого переела, что ли?.. Про твою говорит это... Может, не стоило бы, конечно, тебе знать... Заморочки у нее какие-то с Солидолом, как ты его называешь. Вдруг про тебя прознал?

– Буду ждать с нетерпением вызова на дуэль! – отреагировал я. «Черт знает что за дела! – подумал при этом в раздражении. – У нее, видите ли, заморочки с этим козлом! А меня за кого тут держат? За скомороха, что ли? Что за комедию ломает Нифертити? И того не бросает, и со мной крутит. Причем, не таясь и не стесняясь. Меня – во всяком случае! Что за роль она мне отвела?..»

В преддверии первого сентября в институте был объявлен субботник. Завгар Матвейч руководил в гараже. Все мы вооружились, кто метлами, кто носилками и лопатами. Принялись вычищать институтский двор – «изнанку». Один только Леня Бубен сидел на табурете в гражданской одежде, закинув ногу на ногу. Острый лакированный носок его туфли нервно дрожал.

– Ну, а ты чего празднуешь, Леня? – спросил его Матвейч. – Чего не переодеваешься?

– За шефом, возможно, ехать придется, – отмахнулся Бубен так, словно его самого напрягает безделье. – Вроде как грабануть кто-то Владимирыча хотел. Не поехал в институт. Езжай, говорит, один. Если что, позвоню.

– Ну-у?! Ментов вызвал, что ли? Да? Сильно грабанули? Много вынесли?

– Да вроде ничего не вынесли. Не успели. Владимирыч сам чуть ли не за руку поймал вора на горячем. Ночью.

– А что за жулик?

– Не знаю, не видел. Темнит чего-то шеф. Мне в квартиру не дал войти.

Я, стоя в сторонке, распустил уши, как локаторы, стараюсь не пропустить ни слова. Но ничего интересного больше не услышал.

Мы с Вовочкой усердно перекладывали доски – кучу превращали в штабель, когда к нам как ни в чем не бывало подошла... Светуля!

– Здорово, стахановцы!

– О! Прошла уже ангина? – удивился Вовочка.

– Показалось, – махнула рукой вчерашняя больная. – А что тут у нас? Я слышала, папаню грабануть хотели?

Я уже владел свежей информацией к этому моменту. Когда Бубен, ближе к обеду, привез-таки шефа в вуз и докладывал Матвейчу обстановку в верхах, я был тут как тут со своими нагретыми ушами. Теперь доложил Светке:

– Информацию засекретили. Когда Леня приехал

за ограбленным и спросил того, как, мол, дело идет? – шеф ответил: «Никакого ограбления не было. Забудь».

– И что, никто не знает, что там случилось? – разочаровалась любопытная незаконнорожденная дочь. – Чудно!

– Чудно, – согласился я с ней. – И без всякой паузы добавил: – Подскажешь адресок Нифертити?

Света посмотрела на меня внимательно, перевела взгляд на Вовочку, снова – на меня. Хитро прищурилась:

– Полномочий таких мне не дано.

– Но и не запрещено? – выразил надежду я.

– А! – махнула Света рукой. – Мне-то что? Запомнить легче легкого: Горького шестнадцать – шестнадцать.

– Спасибочки!

– «Спасибочками» не отделаешься. Будешь должен! – Света показала мне кулачок, подняв кверху большой палец и оттопырив мизинец.

Строение «Горького шестнадцать – шестнадцать» нашлось чуть в глубине кварталчика, за тем домом, на углу которого Нина махала мне рукой. Высокое строение, надо отметить, и длинное. Народу живет больше, чем в иной деревне. Жильцы, небось, и в лицо-то друг друга не все знают. Кумушкам непросто сплетни разводить...

Найдя нужный подъезд, поднялся в лифте наверх, со второй попытки угадал этаж. Чувствуя волнение, нажал кнопку звонка. Стало вдруг страшно! Чего я приперся? Кто я ей? Ка-

кими глазами на меня посмотрит?.. Звонок затренькал едва слышно. Хорошая звукоизоляция? Или просто звонок такой тихий? Вдруг она меня не услышала? Ну, там, посуду моет. Я позвонил еще раз, и еще... Бесполезно! Где же она ходит, Царица Египетская, если учесть, что в институте не появляется?..

Но несолоно хлебавши я отваливать не собирался. Пошел не спеша в сторону площади Минина, провести время. Мороженое съел, кваску попил. Вернулся через полтора часа – по-прежнему никого. Сел на троллейбус, совершил «круг почета» по городу. Предпринял еще одну попытку застать любимую у себя – ноль эмоций! Тьфу, пропасть! Где же она? С кем?! Неужели со своим Солидоллом?..

Разум мой помутился от ревности, я закусил удила. Решил ждать. На улице стемнело, я тупо сидел на скамейке. Досиделся – захотелось по малой нужде! Когда выбирался из кустиков, увидел такси, остановившееся у «моего» подъезда. Из машины первым выбрался... проректор Лозовой! Кому он подаст руку следом, я уже догадался! Нифертити была одета в шикарное узкое и, как обычно, короткое платье. На голове – прическа, ресницы покрашены, в ушах – золотые серьги. Лицо – бледное. Не лицо – маска. Ее величество, твою мать! Мне не стрела пронзила сердце – копьё!.. Проректор и его – его! – секретарша вошли в подъезд. Я не стал возвращаться на свою лавочку. Как стоял в кустиках, так и сел на низкий заборчик-штaketник. Я давно уже вы-

числил ее окна этим вечером – сколько времени в запасе было! – и увидел теперь, как зажегся свет в гостиной, затем – на кухне. Потом свет на кухне погас. Затем – и в гостиной. Я не двигался с места, поскольку, кажется, окаменел от горя. Свет в гостиной вдруг зажегся снова. Через некоторое время к подъезду опять прикатило такси, и Лозовой вышел из парадного. Сел в машину и был таков.

Мне очень захотелось подняться к Нифертити. Да, да, пусть спросит: «Ты что, следишь за мной?» – мне будет наплевать. Зато, решил, выскажу ей все раз и навсегда! Нашла себе игрушку! Тимофея Сергеева! Подстилка проректорская!.. – мысленно я уже не стеснялся в выражениях.

Сделав несколько шагов в направлении ее парадного, я замер и бесшумно отступил под дерево. Из подъезда вышла сама Нифертити. Ее лицо никак нельзя было назвать умиленным после любовных утех. На нем запечатлелись совсем иные чувства: презрение и ненависть. Нина посмотрела в ту сторону, куда уехало такси, увозя ее шефа, и вдруг со злостью плюнула себе под ноги. Она двинулась по дорожке, я, держась в отдалении, – за ней. Девушка дошла до остановки такси, постучала в окошко одной из машин. Куда это она в таком растрепанном виде собралась? – недоумевал я. Но Нина в машину не стала садиться, лишь что-то приняла от водилы, и отправилась обратно, домой. Присмотрелся, что она несет: бутылку. Приобрела у таксиста. Ну да, где еще взять в такое время? Похоже, Ниночка моя принимала у се-

бя проректора вовсе не от большой любви к нему. Как еще я мог истолковать пантомиму, свидетелем которой явился только что?..

Однако каков бы ни был мотив... «Если б я был султан, я б имел трех жен», – вспомнилась песенка. Быть одним из трех мужей у «царицы» мне не улыбалось. Пожалуй, надо завязывать с этим безумием... – решил. Легко сказать...

Первого сентября на первую лекцию к нам пожаловал... проректор по АХЧ Юрий Владимирович Лозовой. «Да от него просто уже деваться не куда!» – подумал я. Оказалось, из далекого Усть-Кута, от подшефного порта «Осетрово» раздался призыв о помощи. В порту вагоны не успевают выгружать. Якутский завоз на грани срыва. В общем, даешь стройотряд!

В коридоре я встретил Светулю. В новой форме, девица-краса!

– Ты куда несешься, как ошпаренный? – спросила она меня, поймав за рукав.

– Да вот, с бегунком, спешу увольняться из грузчиков, – потряс я обходным листком в руке. – Мы в Сибирь улетаем.

– Наших тоже посылают, желающих. Оно тебе надо? – спросила Света. – Я попросилась лучше в новом корпусе поработать еще, оставили. Тебе, может, не увольняться? Покутим еще! Вовочка тоже остается.

– Ну... надо попробовать, раз так.

Признаться, после ночи, проведенной без сна, слова Светки зародили во мне надежду. Нифертити ведь не знает, что я решил от нее отказаться. Может, еще все будет хорошо? Слаб человек...

Меня легко, без лишних слов, согласились оставить еще на три недели поработать грузчиком. «В „Осетрово“ я уже бывал, ничего страшного», – успокаивал себя насчет упущенной возможности хорошо проветриться...

Приехав домой, я стал ждать чего-то хорошего. Как будто Светка пообещала сегодня же собрать ко мне всю банду. Однако никто меня не навещал. Мне вдруг стало досадно и смешно. Чего я послушал Светку? Почему не лечу с новым курсом в Сибирь? С пацанами бы познакомился. Нифертити лично мне ведь никаких авансов не давала. Я даже не видел ее, не считая того, что за ней подглядывал. Не пожалею ли, что остался в Горьком?

От скуки и тоски я не придумал ничего лучшего, как рано улечься спать. Проснулся тоже рано. Что делать? Позавтракал и отправился на работу. Предвидел, буду первым, как всегда. Так и оказалось. Прошел парадным входом, поцеловал замок на воротах нашей «штаб-квартиры» – институтского гаража. Ключей от гаража у меня, конечно, не было – только у шоферов, поэтому полез в «газон» Кольки Маленького, дожидаться народ. Колька Маленький оказал мне высокое доверие. Оделил запасными ключами от своего «газо-

на» еще зимой. Сделал он это с умыслом. Чтобы я, приезжая первым, заливал воду в радиатор и прогревал двигатель. Получил за это прозвище Колькиного ординарца. Моего самолюбие оно не задевало, да и, после зимы, быстро забылось. А ключи остались. Пару раз я Кольку с ключами и выручал, когда он оставлял свои дома. Потому всякий раз возвращал запасной комплект мне. Однако на этот раз машина оказалась не заперта.

Умопившись на сидении, я вдруг увидел нечто весьма неожиданное на месте водителя: винтовку! Сначала подумал – «воздушка». Колька решил по воробьям побаловаться? Рассмотрел: ни фиги! «Мелкашка»! Он что, рехнулся, такую вещь просто так на сидении оставлять?..

Колька явился как раз первым из ездовых. Не видя меня, он сразу пошел отпирать ворота гаража. Снял замок, отворил калитку, шагнул внутрь, включил свет. И вдруг замер! Потом стал пятиться назад, будто увидел привидение. Едва не споткнулся о порог, ухватился обеими руками за металлические косяки двери. Тут я спрыгнул с подножки и хлопнул дверцей. Колька резко обернулся и посмотрел на меня глазами дикими, точно у кота, завидевшего собаку.

– Ты чего? – спросил я его.

– Фу-у-у! – выдохнул он. – Чего пугаешь?.. Там такое!.. – он кивнул на открытую гаражную дверь. – Вообще!.. – Колька нецензурно выругался.

– Что? – Я подошел к гаражу. Заглянув внутрь, увидел че-

ловека в светлом костюме, лежащего на полу, лицом вниз. «Мужики неслабо погуляли!» – возникла первая мысль. Но тут заметил темное пятно на сером бетонном полу, под мышкой у лежащего человека. Как-то сразу понял, что это не моторное масло и не вино. Кровь!

– Он... мертвый? – спросил я Кольку, обернувшись к нему. Я был еще в гараже, а Колька – на улице.

– А ты как думаешь? – трясущейся рукой Колька стал вытаскивать из пачки сигарету. Я вышел к нему, на воздух.

– Надо ментов вызывать... Узнал его? – он кивнул на гараж, где лежал покойник.

– Ну, да. Это – Лозовой. Его костюм, – ответил я.

– Пошли вместе, – попросил Колька. – Мне одному как-то не по себе.

– Пойдем. – Я не захотел упускать возможности выказать себя героем, хотя поджилки тряслись.

Колька под воротами, затем – под стеночкой, бочком-бочком, опасливо поглядывая на покойника, будто тот мог вскочить, превратиться в черта и наброситься на него, прокрался в угол, к столику, на котором находился телефон. Я – следом за ним.

До меня вдруг начало доходить: «А не из той ли винтовки убили Лозового? Может, Колька понятия о ней не имеет? А я ее лапал»!

Колька уже накрутил диск:

– Алло, милиция?..

Я выскочил за его спиной из гаража, пулей влетел в его грузовик, выхватил из кармана в двери тряпку и принялся старательно протирать оружие. Затем, держа через тряпку, засунул винтовку за сиденье и выскочил на улицу. Ничего не видел, ничего не знаю! «Наплевать, если я стер отпечатки преступника! – подумал. – Главное, чтобы там моих не осталось!» Зря я, что ли, столько детективов прочитал? Кое-чему научился!

Колька закончил объясняться со службой ноль-два. Кажется, он не заметил моего отсутствия.

– Пойдем на улицу, – сказал. – Что теперь начнется!

«Да, – мысленно согласился я с ним. – В последнее время Лозового было слишком много, а теперь его совсем не стало. Парадокс заключается в том, что с этого момента его станет еще больше! Гораздо больше! Правда, лишь на некоторое время...»

Колька молча курил и мой вопрос, как такое могло случиться, кто его? – оставил без ответа. Только пожал плечами.

Я долго ни о чем не мог думать. Лишь молча наблюдал, как люди, собиравшиеся заниматься своими делами, проходя мимо, наталкиваются на тревожную толпу, как на стену, узнают дикую новость, пугаются и теряются. Остаются рядом, не в силах двигаться дальше. Толпа, таким образом, растет.

Постепенно в голове стали шевелиться какие-то мысли. А, правда, кто мог убить Лозового? За что? Чему учит клас-

сика? Искать того, у кого был мотив? Да, мало ли у кого? Например... у меня! – прострелило вдруг мозг дикое открытие. А что? Лозовой ведь прикарманил мою коллекцию. А она «денег стоит». Это – раз. Но, главное, он склонил к связи мою девушку, мою Ниночку!.. Правда, Ниночка не святая. То есть, у Солидола тоже имелся повод укокошить старого ловеласа! Плохо, если вслед за этим он возьмется за молодого, то есть за меня! Если действительно узнал, что я пользовался благосклонностью Царицы Египетской... Далее – могла приложить ручку сама Царица. Судя по той пантомиме, что я наблюдал возле ее дома, легла в постель со своим начальником она не по доброй воле. Так-так-так... Кто еще? Светуля, конечно! Взяла, да и порешила своего «незаконного» папашу за то, что бросил их с мамкой, подлец. Правда, со стороны Светочки было бы неосмотрительно. Лозовой являлся для нее курицей, несущей хоть и некрупные, но все же золотые яйца. Деньжат подбрасывал. Зачем девушке лишать себя вспоможения на последующие годы учебы? Глупо, глупо... Вовочка, конечно, не при делах. Ему проректор ничего плохого не сделал. Наоборот, иногда калым предлагал. Денежки на винцо и табачок... Разве только Светка Вовочку попросила? Или Нифертити – по дружески?..

Я посмеялся над собой. Зачем я кривляюсь и рассматриваю каких-то студентов и иже с ними? Если у Лозового имелись враги, то, скорее всего, среди взрослых дяденек. Конечно, с шоферами он ладил, премий, вроде бы, не лишал.

Я не слышал, во всяком случае. Но у него ведь были какие-то знакомые в «высшем свете», так сказать. Он человек не маленький... был. Проректор серьезного, известного вуза... А коллекция? Что коллекция? Коллекция останется у родственников Лозового теперь уж точно. У него у самого отспорить ее для меня еще сохранялся какой-то гипотетический шанс. Призвать к совести, так сказать. А родственникам что скажешь?..

Я поймал себя на том, что проявляю редкое хладнокровие для молодого человека, только что видевшего труп. Может, мне после технического вуза в школу милиции поступить?.. Хладнокровие, или... черствость? «Человека убили, ты бы хоть из страха помолчал пока!» – упрекнул сам себя. Как будто, кто-то мог подслушать мои мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.